

УРАЛЬСКИЙ ХАРАКТЕР

Он молод, образован, профессионально востребован, а еще обаятелен, свободно общается с аудиторией. У него искренняя открытая улыбка, его отзывчивость и желание помочь в беде дают людям повод обращаться вновь, как дают и надежду на разрешимость проблем. По моим наблюдениям, а в ходе предвыборной кампании я часто бывала на встречах кандидата в депутаты Государственной Думы Павла Крашенинникова с избирателями, он явно нравился и молодым, и зрелым, и пожилым.

За этот месяц мы многое узнали о Павле Владимировиче: о крепкой уральской семье Крашенинниковых, о его учебе и службе, о начале и развитии карьеры, о выборе и поступках, о причинах решения баллотироваться в Госдуму. Но сколь подробно ни рассказывай, у заинтересованного человека вопросы вряд ли иссякнут. Надеюсь, ответы Павла Владимировича добавят важные штрихи в нарисованный временем и выборной кампанией портрет кандидата.

— Павел Владимирович, я знаю, кто обязательно проголосует за вас 19 декабря. Ваша мама, Валентина Пантелеймоновна. Наверное, в этот трудный для вас месяц она тревожится за вас...

— Мама — мой лучший избиратель. И самый заботливый. Все время говорит: «Пораньше спать ложись, приходи домой обедать».

— А газеты «про вас» Валентина Пантелеймоновна читает?

— Читает, к сожалению. Очень сильно переживает. А я говорю, да не читай ты газеты, потому что там такое иногда о себе узнаешь, что век в голову и не придет. А она человек очень честный и порядочный. Говорит: «Вот опять что написали! Ну все же знают, что это не так!». Это когда одна из газет написала, что мне докторскую присудили за разработку каких-то законов. «Все знают, что ты защищался в МГУ, причем же тут...».

— Ей важно, чтобы вы выиграли?

— Маме важно сейчас и всегда было важно, чтобы я добивался поставленных целей.

— А жена ваша, Катя, одобрила ваше решение баллотироваться в Думу в своем родном городе?

— Когда я вышел в отставку с поста министра юстиции, она даже радовалась: «Слава богу, чаще дома бывать будешь, детьми заниматься». Но когда поняла, что я точно решил баллотироваться, не задавала вопросов, где и по какому округу. Потому что оба мы из Магнитки и здесь наш дом, и могилы родные, и дети тут родились. Только вздохнула: «Ну вот, опять все сначала...».

— Наверное, именно в эти дни вы почувствовали, что по-настоящему вернулись в Магнитку...

— Почувствовал. И родной брат, и родственники мои многочисленные, и друзья, и те, с кем учился в школе, в техникуме — все помогают, поддерживают, воодушевляют меня. Магнитогорские корни у меня крепкие.

— Павел Владимирович, когда вы после окончания техникума уезжали из города в армию, думали, что надолго уезжаете или... «отслужу, как надо, и вернусь»?

— Думал, что вернусь. Просто я в армии решил, что стану юристом. Еще в детстве наклонности были, историю любил, но твердое решение принял именно в армии. В городе у нас в то время юрфака не было (сейчас, слава богу, уже есть), поэтому я поступил в Свердловский юридический институт.

— А специальность, полученная в техникуме, для чего-нибудь пригодилась?

— Конечно. Я в армии на автокране работал. И потом, школьные учителя и преподаватели техникума научили меня важному делу — умению учиться. Им я обязан тем, чего достиг.

— Институт, аспирантура, кандидатская диссертация... И все-таки, как же получилось, что именно вас пригласили экспертом в Верховный Совет? Мало ли в России подающих надежды молодых специалистов по частному праву...

— Наверное, помогла моя наивность. В то время я писал кандидатскую диссертацию. А юриспруденция... это глубокий анализ той или иной проблемы с обязательными последующими предложениями. У меня были предложения в виде конкретных законопроектов, и я, по своей наивности, отправлял их в Верховный Совет. Видно, в России была такая романтическая эпоха... Мои проекты кем-то учитывались, и меня пригласили в Белый дом, там был Верховный Совет.

— Но как думаете, это было удачное стечение обстоятельств или все-таки — перст судьбы, которая лучше нас знает, где наше место?

— Наверное, все вместе. Был объективный фактор: я действительно считал, что законы писать нужно. И это у меня получалось. А субъектив-

ный... иногда ведь считаешь: это вот невозможно, этого нельзя сделать, потому что нельзя по определению. Но когда это предубеждение преодолевается, тогда вот такой результат и получается. Факт биографии: министром я стал в 33 года. Так получилось.

— Вхождение во власть — это трудная задача. Какие качества нужны человеку, чтобы там нормально адаптироваться и работать?

— Самые главные — это, конечно, профессионализм и порядочность. И если этих двух качеств нет — вряд ли выдержишь...

закону партия имеет право участвовать в выборах, если существует не менее года. У «Отечества» все документы были в соответствии с законом и поданы вовремя. От нас требовалось лишь законное решение.

— Интересно, как вы смотрите на эту ситуацию сейчас? В принципе, мало что изменилось бы. Эти политические деятели нашли бы себя в других движениях. Просто список партий и движений был бы другим.

— В данном случае мне это не важно. Были поданы документы в соответствии с законом. И я «Отечество» зарегистрировал. Кстати, на од-

ных законопроектов, поправок к законам толстел в ходе предвыборной кампании?

— Да. В первую очередь речь идет о законе, связанном с оборотом цветных металлов. Это очень важно для Магнитки. Вновь скажу о необходимых изменениях закона о статусе депутата...

— Вы — такой противник льгот, вам деньги не нужны?

— Деньги всем нужны. Но вопрос в том, что эта зарплата, эта пенсия, депутатская неприкосновенность стимулируют людей идти в Думу не для того, чтобы писать законы и нести ответственность за их действие, а для того, чтобы иметь эти льготы и самим защититься от действия закона в то время, как перед законом и судом все должны быть равны.

— Ваша предвыборная программа в корне отличается от программ других кандидатов...

— К составлению своей программы я подошел по-научному. Я взял все доступные программы депутатов прошлой Думы и кандидатов в нынешнюю. Стал сравнивать. Удивительно, но все программы — одинаковы. Везде написано: подниму пенсии, зарплату, увеличу благосостояние людей, буду решать проблемы детства, материнства и т.д. У меня был шанс сделать еще одну такую же программу. Но зачем? Моя программа — нетрадиционная, она состоит из готовых законопроектов.

— Избиратели жалуются на ощущение, что в стране нет необходимых законов...

— Они есть, только их катастрофически не хватает. Много устаревших. Взять то же наследственное законодательство. Оно действует с 1964 года. Конечно, тогда никому и в голову не приходило, что будут квартиры в собственности. Или сады. Нет в нынешнем законе четких процедур наследования. Много проблем связано с законом о ветеранах. Сейчас у нас по закону ветераном является пенсионер, имеющий государственную награду. Но критерием должен быть, конечно же, стаж работы.

— Павел Владимирович... Почему вы в бороде?

— Не нравится борода?

— Мне-то нравится, я воспитан на русском фольклоре, где богатырь только тогда без бороды, когда он совсем зелен годами. Но я о другом: множество вопросов на встречах, количество обращений к вам, даже многочисленные придирки к бороде, по-моему, говорят о неподдельном интересе к вам... и к Союзу правых сил. Кстати, пока столь неоднозначно мнение об этом блоке в обществе, не проще ли было идти на выборы независимым кандидатом?

— В СПС 16 различных партий и движений. Шестнадцать! В том числе и «Юристы — за достойную жизнь». Я точно знаю, что целый ряд моих разработанных законов этот блок поддерживает и будет бороться за то, чтобы эти законы принимались. Это — хорошо, потому что одному всегда сложнее. Когда меня пригласили в объединение правых сил, я поставил несколько условий: буду баллотироваться в родном городе, не буду заниматься политической трескотней, не буду входить ни в одну из партий и движений, после избрания депутатом буду заниматься законотворчеством. Эти условия приняты и выполняются. Если меня изберут, то я буду работать в комитете по законодательству — одном из ключевых комитетов Госдумы.

— Кстати, многие избиратели узнают о вашем участии в СПС с удивлением. Хотят голосовать за молодые силы.

— Наши оппоненты, говоря об СПС, нередко выпячивают одних представителей и страются не показывать других. Все говорят о Чубайсе, о Гайдаре... Действительно, они представляют одну из партий — «Демократический выбор России». Но в федеральных списках нет этих людей, они не избираются в Думу. Оппоненты забыли почему-то, что одним из инициаторов «Правого дела» была Галина Старовойтова. Я думаю, что Союз правых сил — это движение XXI века. За ним — будущее.

— Павел Владимирович, будет ли Россия в XXI веке правовым государством?

— Мне кажется, что да. Условия таковы: новая Дума, новый Президент. Будет это — будет и шанс вместе двигать Россию вперед.

— Кстати, об этом самом «месте». Все будет зависеть и от того, как будем принимать участие в голосовании?

— Участвовать в голосовании будем все. И тот, кто на избирательный участок не придет, — тоже: он тем самым сделает выбор. Выбор не свой, а чужой. На выборы надо идти. Каждый должен строить судьбу России в XXI веке. И лучше это делать самому и осознанно.

С. КАРЯГИНА.

— А не сыграл ли свою положительную роль в вашей удачливой судьбе провинциальный синдром: мол, нам, ребятам простым и умным, и в Москве дело есть, мы умеем работать ничуть не хуже москвичей и добьемся всего сами?..

— Может быть. Но есть и неписаное правило порядочного человека: пришел работать — делай это с максимальной отдачей.

— Уральский характер себя проявил?

— Он, конечно.

— С кем из политиков работали, с кем дружили, с кем сорились?

— С кем сорился — говорить не хочется, да и не важно это. Хорошие отношения с Сергеем Степашкиным, горжусь, что с ним дружим. С Владимиром Путиным. Когда я был первым заместителем министра юстиции, он работал начальником контрольно-ревизионного управления администрации президента. Работали вместе, проверяли субъекты федерации и различные ведомства. Только теплые слова могу сказать о Сергее Шойгу. Есть прекрасные люди в правительстве. Например, Валентина Ивановна Матвиенко. Евгений Максимович Примаков вызывает огромные симпатии...

— Ну а с президентом... Дважды вы сказали ему «нет»?

— Если вы о КПРФ, то и ему, и другим я объяснял, что требование запрета неправомерно с точки зрения закона. И с политической. Не убедил... Наверное, президенту нужен был другой министр.

— Казалось бы, такая простая позиция: закон гласит следующее, я, как министр юстиции, не буду нарушать закон. Получается — легкий выбор. На самом деле был он не легкий. Вы прекрасно себе представляли последствия...

— И все же это был осознанный выбор. И я благодарен своим коллегам, меня поддержавшим. Кому быть в парламенте, кому нет — должен определять избиратель. Не президент, не министр юстиции. За кого проголосуют — та партия и должна быть представлена в Думе. А так — одним запретить, другим не пустить на выборы...

— Но то-то и удивительно: на примере «Отечества» получилось, что волею случая это решили именно вы. Наверное, можно было найти формальные основания для его регистрации днем позже, и, возможно, тогда вы остались бы на своем посту, а мы видели бы иной политический расклад.

— У меня сомнений в правильности поступка не было. Конечно, были телефонные звонки, было давление: не делай, зарегистрируй, скажем, 20 или 21-ого. Но я хочу напомнить, что у нас по

ном заседании Государственной Думы, где я выступал, меня спросили, почему я улыбаюсь, когда выдавал свидетельство о регистрации Лужкову. И я сказал: приходите и вы регистрируйтесь, я вам тоже буду улыбаться. Если все в соответствии с законом, что я, плакать должен? У юристов критерии объективные — законы.

— Это крепкая стена. Но судя по тому, как развиваются события, вы сделали верный выбор. Даже известное предложение войти в Совет по совершенствованию гражданского законодательства говорит о том, что Борис Николаевич вполне оценил ваш профессионализм и вашу принципиальность...

— Действительно, есть такой Совет. Это общественная организация. Функция у него очень простая, понятная и нужная: все принимаемые в сфере экономики законы нужно отслеживать, чтобы они друг друга не дублировали, друг другу не противоречили. Город только выиграет, когда его представитель будет в этом Совете.

— Вы — ректор Российской школы частного права. После отставки у вас не было проблем с трудоустройством. Причем при назначении на должность процедура совсем другая. Нет агитации и дебатов, компроматов и газетных рассуждений, над которыми то ли смеяться, то ли плакать. Зачем вам быть депутатом?

— У меня есть законотворческий опыт, и работу эту я знаю и люблю. Поэтому считаю, что мне стоит поработать в Думе. И не просто среднестатистическим депутатом, который нажимает кнопки, а профессионально работающим специалистом, который может реально повлиять на принимаемые законопроекты. Тем более, что есть целый пакет важных законов, которые регулируют жизнь людей, деятельность предприятий, экономику. Я готов предложить эти законы, буду способствовать их принятию. Именно поэтому мое место — в Думе.

— Говорите о пакете в тридцать законов. Что же, будущи министр юстиции, вы не могли эти законы протолкнуть?

— Основная часть законов была представлена нынешней Думе. Например, закон о запрете нацистской символики и литературы. Мы его внесли аж полтора года назад! Никан не могу понять, почему его не приняли. А Жилищный кодекс?.. Мы его подготовили в конце 1994 года, представили, он был опубликован в «Российской газете» и в юридической печати. Не принимает Госдума...

— Вы решили действовать иначе, так сказать, изнутри. Понятно. Пакет подготовлен

